

ЗОЛОТОЕ
ДЕТСТВО

13-24
1916

XVI $\frac{45}{10}$

XVI $\frac{45}{10}$

одъ изданія девятый.

МАЙ.

№ 13.-24.

1916.

XVII 45
10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

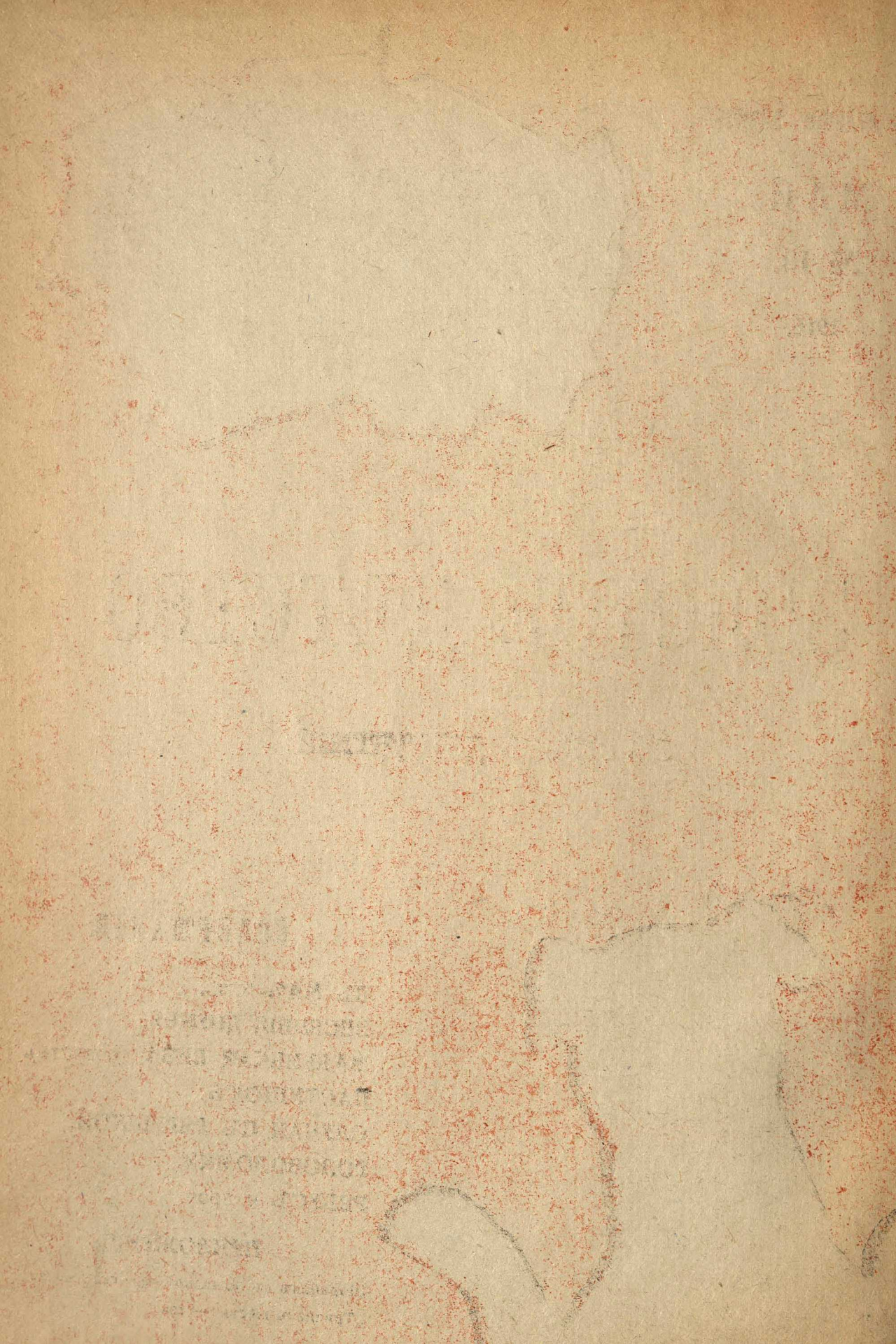
ВЪ МАѢ (стих.).
ВЕСЕННІЕ ДРУЗЬЯ.
МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА (повѣсть).
ПАСТУШОКЪ.
СЛУЧАЙ СЪ ЛЯГУШКОЙ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Шарабанъ съ лошадкой—для склеиванія.
„Тридцать шесть“—игра.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ВЪ МАѢ.

Ужъ миновали холода,
Уже разсѣялись туманы,
Гусей вернулись караваны
И въ полѣ бродятъ ужъ стада.
Какой чудесный свѣтлый день!
Цвѣтетъ душистая сирень,
Деревья дали уже тѣнь
И распускаются тюльпаны.
Трещатъ кузнечики. На ель
Валетѣль скворецъ и распѣваетъ
И какъ-то за душу хватаетъ
Вдали поющая свирѣль.

Ирисъ.

ВЕСЕННИЕ ДРУЗЬЯ.

Когда я былъ маленькимъ, мой папа купилъ землю и рѣшилъ построить на ней усадьбу, чтобы не жить въ городѣ. Скоро на дикомъ берегу рѣки появились среди лѣса красивый домъ и надворныя постройки — здѣсь и протекло мое дѣтство. Папа очень заботился объ этомъ имѣніи, каждый гвоздь мы вколачивали въ немъ съ любовью и каждое посаженное дерево берегли, какъ драгоценность. Однимъ словомъ, это наше имѣніе было для насъ дорого, потому что мы всѣ, и старые и малые, создали его своими руками и все въ немъ было для насъ полно милыхъ воспоминаній.

На другой годъ, какъ мы поселились въ немъ, у насъ на заднемъ дворѣ появилась крапива. Ее никто не сѣялъ, не сажалъ, а взялась она откуда-то сама собою.

— Это вѣрный другъ человѣка, указалъ намъ на нее папа. Собака, крапива и воробей всюду слѣдуютъ за людьми.

И дѣйствительно, года черезъ два появились у насъ и воробьи. Откуда они прилетѣли къ намъ, мы такъ и не знали.

— Теперь нужно, чтобы у насъ появились еще и ласточки, сказалъ отецъ. — Съ самыхъ древнихъ

временъ появленіе ихъ считается предзнаменованіемъ счастья.

Мы всѣ были счастливы, жили мирно, довольствовались только тѣмъ, что имѣли, радовались на Божій мѣръ и потому были увѣрены, что ласточки рано или поздно, а прилетятъ къ намъ обязательно.

Стояла суровая зима, мы очень зябли въ нашемъ новомъ, еще далеко не приспособленномъ и не обжитомъ домѣ, — и вдругъ настала теплая, пріятная весна. Она казалась намъ роскошной послѣ зимнихъ, непрерывныхъ холодовъ. Деревья какъ-то сразу вдругъ одѣлись въ пышную листву еще задолго до Пасхи и очень рано зацвѣли ирисы и тюльпаны. И вотъ около 15-го апрѣля, въ нашей усадьбѣ вдругъ раздался радостный для насъ голосокъ:

— Ти-ти-вистъ!

Къ намъ прилетѣли ласточки.

Папа, мама, братъ, я и сестра выбѣжали на дворъ привѣтствовать милыхъ гостей.

— Здравствуйте! Здравствуйте! кричала имъ маленькая сестра. — Добро пожаловать!

Ласточки съ пискомъ влетали въ чердакъ надъ конюшней и вылетали изъ него. Очевидно, онѣ принялись уже за гнѣздо.

Съ этой минуты вся жизнь для меня сразу получила какой-то особый интересъ. Мы построили нашу усадьбу на совершенно пустынномъ мѣстѣ, вдали отъ всѣхъ селеній,— она нравилась намъ и теперь вдругъ получила одобреніе и отъ птицъ. Значить, у насъ, думалъ я,— было дѣйствительно хорошо!

Появились ласточки еще и еще и всѣ онѣ выбрали для своихъ гнѣздъ мѣста подъ крышей такія, куда не проникалъ-бы къ нимъ вѣтеръ и дождь. Все время я былъ около нихъ, глядѣлъ, какъ онѣ устраивали себѣ гнѣзда, и онѣ нисколько меня не боялись. Было ясно до очевидности, что ласточки отлично понимали, кто имъ врагъ и кто желаетъ имъ добра. Я близко подлѣзалъ къ самымъ ихъ гнѣздамъ, и онѣ чуали, что я вовсе не имѣлъ намѣренія ихъ обидѣть, и преспокойно продолжали свое дѣло.

Я замѣтилъ, что надъ устройствомъ гнѣзда трудились оба: и самка и самецъ. Съ радостнымъ пискомъ они проносились надъ грязной лужей, образовавшейся у насъ на скотномъ дворѣ, хватали изъ нея комочки грязи, подлетали съ ними къ самому гнѣздовью и приклеивали эти комочки къ балкѣ. Я узналъ потомъ изъ книгъ, что для большей липкости ласточки смѣшиваютъ эту грязь со своей слюной. Ласточки работали съ утра и до вечера и сквозь комочки

грязи пропускали для прочности стебельки травъ и волосы. Черезъ восемь дней гнѣздо было готово и походило на половинку апельсина, приклеенную однимъ бокомъ къ стропилу. Ласточки выстлали его затѣмъ внутри пухомъ, который подобрали у насъ въ курятникѣ, и разными сухими листочками и принялись за высидку яицъ. Мнѣ ужасно хотѣлось посмотрѣть на ихъ яички. Я поставилъ къ стѣнѣ лѣстницу, взобрался на стропила и заглянулъ въ гнѣздо.

Въ немъ оказалось четыре бѣленькихъ яичка, покрытыхъ темными крапинками. Затѣмъ я сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать, когда выведутся изъ нихъ птенцы. На яйцахъ сидѣла одна только мать. Самецъ леталъ по волѣ взадъ и впередъ, весело распѣвалъ— и такъ продолжалось двѣнадцать дней. На 13-й день изъ яичекъ вывелись головастые, некрасивые птенцы, которыхъ отецъ и мать тотчасъ-же принялись кормить.

Я сталъ слѣдить за тѣмъ, какъ это они дѣлали. Они влетали и вылетали изъ чердака каждую секунду. Полетитъ, поймаетъ насѣкомое, прилетитъ, сунетъ его въ ротъ птенчику и улетитъ снова на добычу. Я не видѣлъ, чтобы ласточка хоть одинъ разъ сѣла на землю. Она все дѣлала на лету. На лету она пила изъ рѣчки, на лету хватала насѣкомое и ѣла его или-же несла его къ дѣтямъ, на

лету и купалась. Ея ножки такъ устроены, что она можетъ ими только цѣпляться о чтонибудь, но ходить на нихъ не можетъ. Все время мои ласточки находились въ движеніи и если день былъ ясный и въ воздухѣ летало много насѣкомыхъ, то онѣ были сыты и весело распѣвали, сидя на протянутыхъ для просушки бѣлыхъ веревкахъ; а если шелъ дождь и мелкія насѣкомыя прятались въ травѣ и по щелямъ, то ласточки уныло летали взадъ и впередъ и только тревожно попискивали. У насъ были пчелы, которыя даже въ дурную погоду летали за медомъ, но ласточки ихъ вовсе не трогали, вѣроятно, потому, что боялись, какъ-бы онѣ не ужалили ихъ въ горло. Говорятъ, что отъ укуса пчелы ласточка тотчасъ-же умираетъ.

На третьей недѣлѣ молоденькія ласточки стали выползать на край гнѣзда. Имъ было еще страшно летать. Было очень забавно глядѣть, какъ родители спихивали трусишекъ прямо въ воздухъ и какъ маленькія птички цѣплялись за край гнѣзда и не хотѣли съ нимъ разставаться. У насъ была книжка нотъ, которую мама вышишала намъ изъ Петрограда. Тамъ была пѣсенка о ласточкахъ, которую мы любили распѣвать въ три голоса. Обыкновенно мама садилась за пианино и играла, а мы, дѣти, пѣли. Вотъ эта пѣсенка.

На старой колокольѣ
Двѣ ласточки вдвоемъ
Сидѣли, щебетали
На гнѣздышкѣ своемъ.

—„Не бойся!“ говорила
Малюткѣ ея мать,—
„Бросайся въ воздухъ смѣло
И будешь ты летать!“

Но птичка не рѣшалась,
Ей страшень былъ полетъ,
Она за мать цѣплялась,
Боалась—упадетъ.

Но мать ей отвѣчала:
—„Лети, чего ты ждешь?
Тебя Господь поддержитъ
И ты не упадешь“.

И ласточка—малютка
Спустилась на карнизъ,
Съ него она свалилась
И полетѣла внизъ.

Но самъ Господь незримо
Малютку поддержалъ,
Этѣмъ путь ея направилъ
И крыльямъ силу далъ.

Казалось, что точь-въ-точь происходило то же самое и здѣсь, на стропилахъ нашей конюшни. Наконецъ кончилось тѣмъ, что родители спихнули-таки своихъ дѣтей съ гнѣзда и они нерѣшительно полетали въ воздухъ и возвратились къ себѣ въ гнѣздо. На другой и третій день малютки летали уже смѣлѣе, но ночевали всякій разъ дома, подъ крыльями родителей; родители-же ихъ и кормили. Черезъ недѣлю молодежь уже летала свободно и кормилась сама, а еще дня черезъ два она спала уже отдѣльно, уцѣпившись за стропила. Затѣмъ молодые ласточки разстались со своими родителями и улетѣли. Гнѣздышко опустѣло.

Наступило лѣто съ его ягодами, жатвой и массой удовольствій. Я потерялъ изъ виду своихъ пернатыхъ друзей, собиралъ грибы, кувыркался въ снѣгъ, купался и не замѣтилъ, какъ пришелъ августъ. Я вошелъ какъ-то въ конюшню и вдругъ услышалъ вверху, у стропиль, какой-то странный шумъ. Оказалось, что въ ласточкиномъ

гнѣздѣ поселился воробей и обѣ ласточки съ пискомъ оттуда его выгоняли. Воробей не вылеталъ. Тогда на пискъ моихъ знакомцевъ слетѣлись другія ласточки и съ тревожными криками стали быстро подлетать къ воробью и отлетать отъ него, повидимому, стараясь этимъ показать ему, что пора уже ему вылѣзть изъ чужого гнѣзда. Замѣтивъ, что воробей мало обращаетъ на нихъ вниманія, онѣ стали его клевать. Тогда онъ выпорхнулъ изъ гнѣзда, улетѣлъ и цѣлая стая ласточекъ погналась за нимъ вслѣдъ. Отогнавъ его далеко, всѣ ласточки возвратились каждая къ себѣ, а мои двѣ старыя знакомыя принялись за работу: онѣ стали замазывать входъ въ свое гнѣздо и скоро сдѣлали его такимъ узкимъ, что могли пролѣзть въ него только онѣ сами. Прилетѣлъ и воробей въ отсутствіе хозяевъ. Но какъ онъ ни силился пролѣзть въ гнѣздо сквозь узкій проходъ, такъ это ему и не удалось. Пришлось искать новой квартиры.

Но каково было мое удивленіе, когда несмотря на августъ, мои ласточки стали нестись опять! Въ радости я побѣждалъ къ отцу.

— Папа! папа! закричалъ. — Ласточки занеслись во второй разъ! Я самъ видѣлъ въ ихъ гнѣздышкѣ яички!

— Это жаль, отвѣтилъ папа. — Какъ-бы не начались въ этомъ

году ранніе холода! Тогда онѣ не успѣютъ воспитать своихъ вторыхъ птенцовъ.

И дѣйствительно, августъ выдался въ тотъ годъ такой холодный, что на Успенье былъ бѣлый морозъ и замерзла въ лужицахъ вода. Бѣдныя ласточки вывели своихъ птенцовъ только къ двадцатому числу, а 26-го выпалъ неожиданно снѣгъ и засыпалъ на корню овесъ. Такъ мы теплой погоды больше и не видали.

— Бѣдныя ласточки! печалился я. — Какъ-то онѣ перенесутъ эти холода!

И я сталъ часто подставлять лѣстницу и заглядывать къ нимъ въ гнѣздышко. Четыре голенькіе ихъ птенчика лежали въ немъ, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, и было жалко на нихъ глядѣть. Но кое-какъ они оперились и стали вылѣзать изъ гнѣзда.

Наконецъ въ одно утро я вышелъ на дворъ. Все было покрыто снѣгомъ и стоялъ небольшой морозъ. Ласточекъ уже не было. Уже не слышалось ихъ радостнаго писка и было такое чувство на душѣ, точно я лишился кого-то дорогого.

— Улетѣли въ теплые края!.. сказалъ кто-то. — Да и пора! Вишь, нынче какая ранняя стужа!

Я пришелъ къ папѣ. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и что-то писалъ.

— Ласточки улетѣли! сказалъ я ему.

— Ну, что-жь? отвѣтилъ онъ.—
Счастливей имъ дороги!

Мнѣ показалось страннымъ, что онъ такъ равнодушно отнесся къ ихъ отлету.

— А куда онѣ, папа, улетаютъ на зиму? спросилъ я.

— Въ Африку...

Я представилъ себѣ поля и лѣса, необозримыя пространства нашей великой родины, черезъ которыя ласточкамъ предстояло летѣть, Черное море съ его волнами и африканскія пустыни и съ грустью сказалъ:—

— Когда-то онѣ туда долетятъ?

Отецъ улыбнулся и отвѣтилъ:—

— О, не бойся! Ласточка летитъ такъ быстро, какъ ни одна изъ птицъ. Я гдѣ-то читалъ, что, вылетѣвъ вечеромъ изъ Англiи, ласточки на слѣдующую-же ночь уже ночуютъ въ Африкѣ, перелетѣвъ черезъ океанъ. Сегодня ночью ласточки улетѣли отъ насъ, нынче-же вечеромъ онѣ будутъ уже въ Крыму, завтра перелетятъ черезъ Черное и Средиземное моря, а послѣзавтра будутъ уже въ Египтѣ и южнѣе. Ни одинъ поѣздъ въ мiрѣ, ни одинъ воздушный шаръ не мчатся такъ быстро, какъ онѣ.

— Какъ-же онѣ находятъ дорогу?

— Это неизвѣстно. Ихъ умудряетъ Господь. Это умѣние птицъ находить на такихъ большихъ пространствахъ дорогу въ наукѣ на-

зывается „чувствомъ направленiя“.

Я вновь представилъ себѣ моихъ подругъ. Какъ онѣ будутъ счастливы, попавши въ теплые края, гдѣ пальмы шелестятъ высоко въ воздухѣ своими вершинами, гдѣ на вѣтвяхъ деревьевъ сидятъ обезьяны и красные попугаи и гдѣ зрѣютъ апельсины и никогда не бываетъ зимы!

— Теперь онѣ тамъ снова выведутъ себѣ птенцовъ... задумчиво проговорилъ я.

— Нѣтъ, отвѣтилъ папа. — На чужбинѣ ласточка даже не поетъ. Она тоскуетъ по своей родинѣ, по этой нашей конюшнѣ, гдѣ родилась, по нашимъ полямъ и лѣсамъ и съ нетерпѣнiемъ будетъ ожидать того момента, когда можно будетъ возвратиться назадъ и поселиться опять въ своемъ прежнемъ гнѣздѣ...

Настала осень, за нею потянулась скучная, длинная зима. Я много учился, много съ отцомъ читалъ и съ нетерпѣнiемъ ожидалъ того времени, когда снова наступитъ весна.

Но вотъ настала и она, съ ея яркимъ солнцемъ, съ ея ручьями и дождемъ и въ нашемъ саду растаялъ снѣгъ и обнажилась земля. И какъ-то вечеромъ, когда еще свѣтило солнце и краснымъ шаромъ готово было закатиться за горизонтъ, къ намъ вбѣжалъ буфетный мужикъ Гаврила и во все горло закричалъ:—

— Скворцы прилетѣли!

Мы всѣ выбѣжали на дворъ. На большомъ деревѣ, на его голыхъ вѣтвяхъ сидѣли возвратившіеся скворцы и радостно лопотали и свистали на весь дворъ. Чѣмъ-то роднымъ отзывалось ихъ пѣніе на душѣ и мы стояли еще долго на крыльцѣ и смотрѣли на нашихъ гостей.

— Ну, теперь ужъ настоящая весна! сказалъ Гаврила.

— Нѣтъ, еще не настоящая, отвѣтилъ ему папа. — Вотъ когда возвратятся къ намъ ласточки, тогда дѣйствительно будетъ уже настоящая весна!

Въ тотъ годъ Пасха была 18-го Апрѣля. Мы ѣздили къ заутренѣ

въ сосѣднее село. Когда мы возвращались оттуда и было радостно и свѣтло у меня на душѣ, то я вдругъ замѣтилъ, что прилетѣли къ намъ и ласточки. Онѣ попрежнему съ пискомъ влетали на чердакъ и вылетали и суетились у своего прошлогодняго гнѣзда.

Увидѣвъ ихъ, я остановился и, точно онѣ были люди, снялъ передъ ними шляпу и закричалъ:

— Здравствуйте! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Добро пожаловать!

Онѣ вили свое гнѣздо и теперь я имѣлъ полное право побѣжать къ отцу и въ восторгѣ воскликнуть:—

— Теперь ужъ настоящая весна!

С. Вершининъ.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

(Окончаніе).

На слѣдующій день, послѣ горестнаго разставанія съ родителями, я отправилась въ домъ священника. Ольга, вся въ слезахъ, несла за мной мои вещи. Около крыльца уже стояла карета и около нея батюшка въ бѣлой рясѣ разговаривалъ о чемъ-то съ кучеромъ.

— Ну, вотъ и хорошо, что ты пришла!.. сказала мнѣ графиня и потрепала меня за подбородокъ.—

Я очень рада, что ты со мною поѣдешь...

Выбѣжалъ Вяча и мы, какъ дѣти, стали бѣгать около дома, пока лакей и дѣвушка укладывали въ карету вещи. Теперь ужъ между мной и Вячей не было и не могло быть никакихъ тайнъ и мы были уже, какъ братъ и сестра. Я рада была этому, но какое-то непріятное чувство неизвѣстности копо-

Ласточки.

Сторожъ.

шилось у меня въ душѣ: мнѣ было жаль разставаться съ папой и мамой, я не знала, насколько времени уѣзжаю, и, кромѣ того, я не успѣла проститься съ Ниночкой, съ которой привыкла видѣться каждый день и сдружилась уже, какъ родная сестра.

Какъ вдругъ къ дому подъѣхалъ шарабанъ и изъ него вышли старичокъ Кульчицкій и Ниночка. Они пріѣхали насъ проводить.

— А я къ вамъ, графинюшка, заговорилъ Кульчицкій, цѣлуя старухѣ руку. — Пріѣхалъ къ вамъ проститься... Счастливаго вамъ пути и вожделѣннаго вамъ здравія! Ниночка, подойди, матушка, простись съ графиней.

Я и Ниночка подскочили къ старухѣ, сдѣлали передъ ней глубочайшій реверансъ и обѣ громко засмѣялись на самихъ себя.

— Ахъ, вы, стрекозы! сказала ласково графиня. — Ужъ особенно эта! И она указала на меня.

Затѣмъ мы стали усаживаться въ карету. Съ нами было столько узелковъ, что я и не знаю, право, какъ мы всѣ въ нее усѣлись.

— Прощайте! Прощайте! слышались голоса.

— Къ намъ пріѣзжайте! крикнула Кульчицкому графиня. — Ниночку привозите!

— Пріѣду, пріѣду, матушка! закланялся Кульчицкій. — Ужъ вы извините! Еще успѣемъ вамъ надѣсть!

Кучеръ щелкнулъ бичомъ, и карета покатила. Мимо насъ потянулись лѣса, поля, чистенькія, бѣленькія хатки крестьянъ и вѣтряныя мельницы, размахисто махавшія крыльями. Всю дорогу я сидѣла угрюмо, все время думая о папѣ и мамѣ, бабушка тоже молчала, уткнувшись въ уголь, одинъ только Вяча дѣлалъ глупости и трещалъ, какъ сорока. Когда онъ говорилъ или дѣлалъ что-нибудь дѣйствительно смѣшное, то я видѣла, какъ все лицо бабушки освѣщалось улыбкой.

— Ну, а ты что-же молчишь? обратилась она однажды ко мнѣ. — Ты ребенокъ! Тебѣ надо быть веселой, болтать... А ты нахмурилась, какъ большая!

Часа черезъ три мы пріѣхали въ бабушкино имѣніе. Это оказалась большая, роскошная усадьба съ разными затѣями и со стариннымъ, вѣковымъ липовымъ паркомъ. Когда мы ѣхали отъ воротъ къ дому по длиннѣйшей тополевой аллеѣ, то я увидѣла тамъ и сямъ мелькавшія въ зелени статуи. Всѣ дорожки были расчищены и посыпаны пескомъ. Ходилъ роскошный павлинъ. Когда мы подъѣхали къ крыльцу громаднаго дома, то со всѣхъ сторонъ выскочила прислуга, мужская и женская, которая съ почтительностью цѣловала бабушку въ плечо.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали!..

сказала бабушка. — Уфъ!.. Старость не радость!

Я и Вяча выскочили изъ кареты и побѣжали въ домъ, я ужъ и не знаю, была-ли я когда-нибудь потомъ въ такой роскошной обстановкѣ, какую увидала тамъ. Блиставшіе паркетные полы, дорогая обстановка, картины, люстры, — все это произвело на меня на первыхъ порахъ впечатлѣніе сказки. Домъ былъ выстроенъ въ англійскомъ вкусѣ, съ громадными окнами въ нѣсколько стеколъ и съ большими каминами.

„Вотъ бы сюда маму!“ подумала я.

Къ намъ вышла миловидная дама, которая обрадовалась Вячѣ и стала его обнимать.

— Здравствуйте, Анна Ричардовна! крикнулъ ей радостно Вячеславъ и повисъ у нея на шеѣ.

Это оказалась компаньонка бабушки—англичанка миссъ-Трэкъ. Она жила у бабушки уже давно и отлично говорила по русски.

— А это кто? обратилась она къ нему, указавъ на меня. — Кто эта прелестная дѣвица?

Мнѣ она понравилась съ перваго же взгляда. Я ей хотѣла откомендоваться, кто я, но въ эту минуту въ комнату вошла бабушка и сказала ей по-англійски:

— Это — дочь Нины... Помните, я вамъ говорила? Сестра нашего мальчика...

Англичанка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее и на меня.

— Откуда-же вы, графиня, ее взяли? спросила она.

Графиня задумчиво покачала головой.

— Пути Господни неисповѣдимы, отвѣтила она. — Насъ свела вмѣстѣ судьба... Значить, такъ угодно Богу!

И взявъ англичанку подъ руку, она обратилась къ ней и къ намъ одновременно: — Пойдемте, миссъ, я обо всемъ вамъ расскажу! А вы, дѣти, идите въ садъ, побѣгайте тамъ на свободѣ!

И обѣ онѣ отправились къ бабушкѣ въ комнату, а я и Вяча побѣжали въ садъ.

Я была тогда еще ребенкомъ, меня все занимало, и я не помню, чтобы мнѣ было когда-нибудь веселѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ. Полная свобода, изумительный по красотѣ паркъ, присутствіе родного брата и необыкновенное совпаденіе событій захватили меня всю, — и я бѣгала съ Вячей и рѣзвилась, а кругомъ меня кричали птицы, гудѣли жуки и съ большой, широкой рѣки доносилось трещаніе лягушекъ. И только когда стемнѣло уже совсѣмъ и насъ позвалъ лакей къ ужину, — я пришла въ себя.

Я и Вяча ужинали только одни, Бабушка устала и не выходила. Миссъ-Трэкъ находилась при ней. Намъ служили почтенный лакей съ бакенбардами и дѣвушка и относились къ намъ съ такой по-

чительностью, точно мы были знатные люди и большіе. А когда затѣмъ, шурша на ходу юбками, дѣвушка повела меня въ мою комнату спать, то, оставшись одна въ громадномъ помѣщеніи, на огромной кровати, я вдругъ почувствовала себя безконечно одинокой и мнѣ ужасно вдругъ захотѣлось домой. Со мной вдругъ случилась какая-то странная перемена: все было роскошно и красиво вокругъ меня, ко мнѣ всѣ были здѣсь очень предупредительны, но я не привыкла къ такой роскоши и къ такому количеству прислуги, и мнѣ показалось здѣсь вдругъ такъ одиноко и тоскливо и такъ вдругъ захотѣлось къ себѣ въ маленькія уютныя комнатки, гдѣ сейчасъ пришла-бы ко мнѣ моя мама и поцѣловала-бы меня и перекрестила на ночь, что я вскочила на кровати на колѣнки и заплакала. А главное — меня пугала неизвестность, сколько времени я здѣсь пробуду.

„Неужели до конца лѣта?“ ужасалась я.

И я долго еще не спала и ворочалась съ боку на бокъ.

Какъ вдругъ кто-то стукнулъ ко мнѣ въ дверь.

— Кто тамъ? вскочила я не то съ любопытствомъ, не то въ испугѣ.

— Ты еще не спишь? послышался голосъ Вячи.— Это я! Можно къ тебѣ?

Онъ вбѣжалъ ко мнѣ въ одной рубашкѣ, съ голыми босыми ногами и прыгнувъ ко мнѣ прямо въ постель и подлѣзъ ко мнѣ подъ одеяло.

— Мнѣ такъ скучно одному! сказалъ онъ.— Я все время думалъ о мамѣ и о папѣ и никакъ не могъ заснуть. Мнѣ ужасно хотѣлось-бы ихъ повидать.

Я обрадовалась брату и тому, что онъ заговорилъ о папѣ и о мамѣ, и стала рассказывать ему въ мельчайшихъ подробностяхъ о нашей жизни въ маленькомъ домикѣ въ Петроградѣ въ Лѣсномъ, о маминой болѣзни, о томъ, какъ трудится папа и съ какими лишениями добываетъ семьѣ на хлѣбъ.

— Счастливая!.. вздохнулъ Вяча.— Мнѣ такъ-бы хотѣлось жить въ маленькихъ комнаткахъ, какъ и ты!..

Онъ расспрашивалъ меня, я ему отвѣчала и мы и не замѣтили оба, какъ заснули и проспали до утра.

Утромъ я была разбужена тревожными шагами въ коридорѣ. Кто-то о чемъ-то спрашивалъ, что-то отвѣчалъ и было ясно, что тамъ что-то случилось. Затѣмъ ко мнѣ въ комнату вбѣжала, положительно вбѣжала, сама бабушка и съ тревогой спросила:

— Ты спишь? Уже проснулась? Ты не знаешь, куда дѣвался у насъ Вяча? Его постель стоитъ пустая и тамъ-же лежитъ и вся его одежда. Онъ куда-то исчезъ!..

Я отвернула одѣяло.

Рядомъ со мной, свернувшись калачикомъ и обнявъ меня за шею рукой, мирно похрапывалъ Вячеславъ.

— Уфъ!.. съ облегченіемъ вздохнула графиня.— Слава Богу! А я такъ испугалась!..

И умилившись картиной, представившейся ей глазамъ, она вдругъ улыбнулась, нагнулась надъ нами и поцѣловала въ лобъ меня и Вячеслава.

— Нѣтъ!.. вздохнула она какъ-бы про себя.— Нельзя разлучать тѣхъ, кого соединилъ самъ Господь!.. Мы думаемъ сдѣлать какъ лучше, а выходить не по нашему и хуже...

Я хотѣла-было подняться.

— Лежи, лежи!.. сказала графиня.— Еще рано!.. Не буди его! Пусть онъ спитъ!..

И опять нагнувшись ко мнѣ, она спросила меня почти строго:

— Это ты его сюда позвала?

— Нѣтъ, отвѣтила я совершенно искренно.— Онъ пришелъ ночью ко мнѣ самъ!

Графиня вздохнула.

— Бѣдняжка!.. Ему скучно одному. Я давно уже замѣчаю, что онъ скучаетъ и что такъ расти ему дальше нельзя.

И вздохнувъ еще глубже, она направилась къ двери.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, проговорила она,—ужь и не знаю, право, какъ мнѣ поправить это

дѣло!.. Смерть не за горами, умру—на кого тогда онъ останется одинъ!.. Грѣхъ, грѣхъ тяжкій!..

Она вышла изъ комнаты. Я поняла, что она говорила о возможности примиренія съ моей мамой и въ радости толкнула Вячеслава:

— Вяча! воскликнула я.— Проснись! Сейчасъ сюда приходила бабушка и говорила, что она хочетъ помириться съ нашими папой и мамой!

— Ну!? удивился онъ.— Вотъ было-бы хорошо!

Мы еще долго провалялись въ постели и мечтали о томъ, какъ поѣдемъ вмѣстѣ въ Петроградъ и будемъ тамъ жить въ Лѣсномъ и вмѣстѣ будемъ ходить учиться.

— Ты будешь учиться въ реальномъ, сказала я,— а я — поступлю въ гимназію... Вотъ намъ будетъ вмѣстѣ весело ходить!

— Да, отвѣтилъ Вяча.— А потомъ я буду, такъ-же, какъ и папа,— писателемъ!..

Затѣмъ мы умылись, одѣлись, вышли къ чаю, гдѣ насъ очень обласкала миссъ Трэкъ, и выбѣжали затѣмъ въ паркъ. Мнѣ опять было очень весело съ Вячеславомъ, онъ былъ такой милый, съ такими славными, мамиными глазами, что быть съ нимъ, вести съ нимъ разговоръ—скоро стало для меня уже потребностью.

— Вотъ бы сюда маму! мечтала я.

— Да, согласился онъ,— маму и папу!

Въ тотъ вечеръ онъ опять спалъ у меня, а затѣмъ ко мнѣ внесли его кровать и мы поселились въ одной комнатѣ вмѣстѣ. И стала у насъ одна общая дѣтская.

— Что ихъ разлучать!.. сказала бабушка.—Пусть спятъ вмѣстѣ!

И затѣмъ, обратившись къ Аннѣ Ричардовнѣ, добавила по-англійски: — Вѣдь они родные братъ и сестра!

Такъ потянулись дни за днями и наконецъ прошли три долгихъ недѣли, какъ я поселилась у графини-бабушки. И чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ дни для меня становились все длиннѣе, я все время думала о папѣ и о мамѣ, скучала по нимъ, страдала въ душѣ и имя мамы было постоянно у меня на губахъ. Оставаясь въ своей комнатѣ одна, я иной разъ начинала разговаривать вслухъ съ отсутствовавшими родителями, жаловалась имъ на мое и на Вячино одиночество и просила ихъ, чтобы они приснились мнѣ во снѣ. Два или три раза это подмѣтила графиня и я замѣчала, что у нея на-вертывались на глаза слезы.

— Нѣтъ... проговорила она одинъ разъ про себя, но такъ, что я смогла ее услышать. — Души своей не переломись... Эти дѣвочка и мальчикъ страдаютъ и я виновата во всемъ.. Неужели-же придется пригласить сюда и ея мать?

И остановившись въ раздумьи,

она покачала головой и еще тише продолжала:—

— Я должна ее пригласить!.. Ее и... его, ихъ отца!

Въ другой разъ я слышала, какъ въ сосѣдней комнатѣ графиня разговаривала по-французски съ миссъ-Трэкъ. Я сидѣла въ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ и разсматривала картинки въ журналѣ, а Вяча бѣгалъ гдѣ-то по парку одинъ.

Миссъ-Трэкъ спросила:—А какъ же съ титуломъ, графиня? Вѣдь вы хотѣли хлопотать для Вячелавы о графскомъ титулѣ! Вѣдь собственно для того вы и разлучили его съ родителями! Вѣдь отецъ его низкаго происхожденія и вы не хотѣли, чтобы онъ имѣлъ дурное вліяніе на своего сына!

Графиня затрясла головой и отвѣтила:— Мы многое сгоряча затѣваемъ, думаемъ, что дѣлаемъ хорошо а выходитъ худо. Я разлучила ребенка съ родителями, поссорилась съ ними, а что изъ этого получилось? И они несчастны, и я одинока. Умру—и некому будетъ закрыть мнѣ глаза. Богъ съ нимъ, съ этимъ титуломъ! Было-бы на душѣ спокойно, а спокойствія-то на ней и нѣтъ... Миръ и любовь дороже всего...

Я слышала эти слова и торжествовала. Значитъ, скоро послѣдуетъ желанное примиреніе.

Десятаго Іюля былъ день моего рожденія. Былъ дождливый день.

Графиня сидѣла у камина, а миссъ-Трэкъ что-то вышивала у окна. Бабушка подозвала меня къ себѣ, поцѣловала меня въ лобъ и спросила:

— Я хочу тебѣ что-нибудь подарить. Чего-бы ты желала? Говори откровенно!

Я покраснѣла и опустила глаза.

— Мнѣ не нужно ничего, бабушка, отвѣтила я.—То, чего-бы я желала, неисполнимо.

— Неисполнимо? удивилась графиня и тѣнь недовѣрія покрыла вдругъ все ея лицо.—Значить, твои желанія такъ велики, что я не могу исполнить? Значить, ты такъ требовательна?

Я покраснѣла еще больше и еще ниже опустила голову.

— Говори-же, чего-бы ты желала? повторила бабушка.

— Повидаться съ мамой... чуть слышно отвѣтила я.

И сдерживаемая долго тоска по папѣ и по мамѣ вдругъ прорвалась во мнѣ наружу и я стала плакать. Но затѣмъ я тотчасъ-же овладѣла собой, смахнула слезы и, весело разсмѣявшись, отбѣжала къ Аннѣ Ричардовнѣ и повисла у нея на шеѣ.

Графиня посмотрѣла на меня и смутилась. Что-то новое, странное появилось вдругъ у нея на лицѣ и я замѣтила, что ей стало какъ-то неловко передо мной, маленькой дѣвочкой, которую она уже полюбила, но которую въ то-же

время лишила общенія съ родителями. И теперь я была уже увѣрена, что она была убѣждена, что лишать Вячеслава и меня родителей было такъ-же невозможно, какъ заставить горы сняться съ мѣста и упасть въ море.

— Ахъ, бѣда, бѣда!.. сказала она.— Такъ какъ-же быть-то, что теперь дѣлать?..

Въ тотъ-же вечеръ случилось событіе. Точно узнавши заранѣе, что былъ день моего рожденія, къ намъ неожиданно пріѣхали Кульчицкіе.

— Ниночка! обрадовалась я и бросилась къ своей подругѣ.

— Лиза! воскликнула она и повисла у меня на шеѣ.

Ко мнѣ подошелъ старичокъ Кульчицкій и, поздравивъ меня со днемъ рожденія, расшаркался передо мной и протянулъ мнѣ коробку конфектъ.

— Кланяются тебѣ твои дорогіе родители, сказалъ онъ,—и велѣли мнѣ тебя за нихъ поздравить. Они очень скучаютъ по тебѣ. Мама посылаетъ тебѣ въ подарокъ эти конфекты..

Словно запахомъ сирени вдругъ пахнуло мнѣ въ лицо отъ этихъ его словъ, словно я услышала крикъ далекихъ журавлей, возвращавшихся къ намъ съ дальняго юга весной. Я схватила коробку съ конфектами и стала ее вдругъ цѣловать.

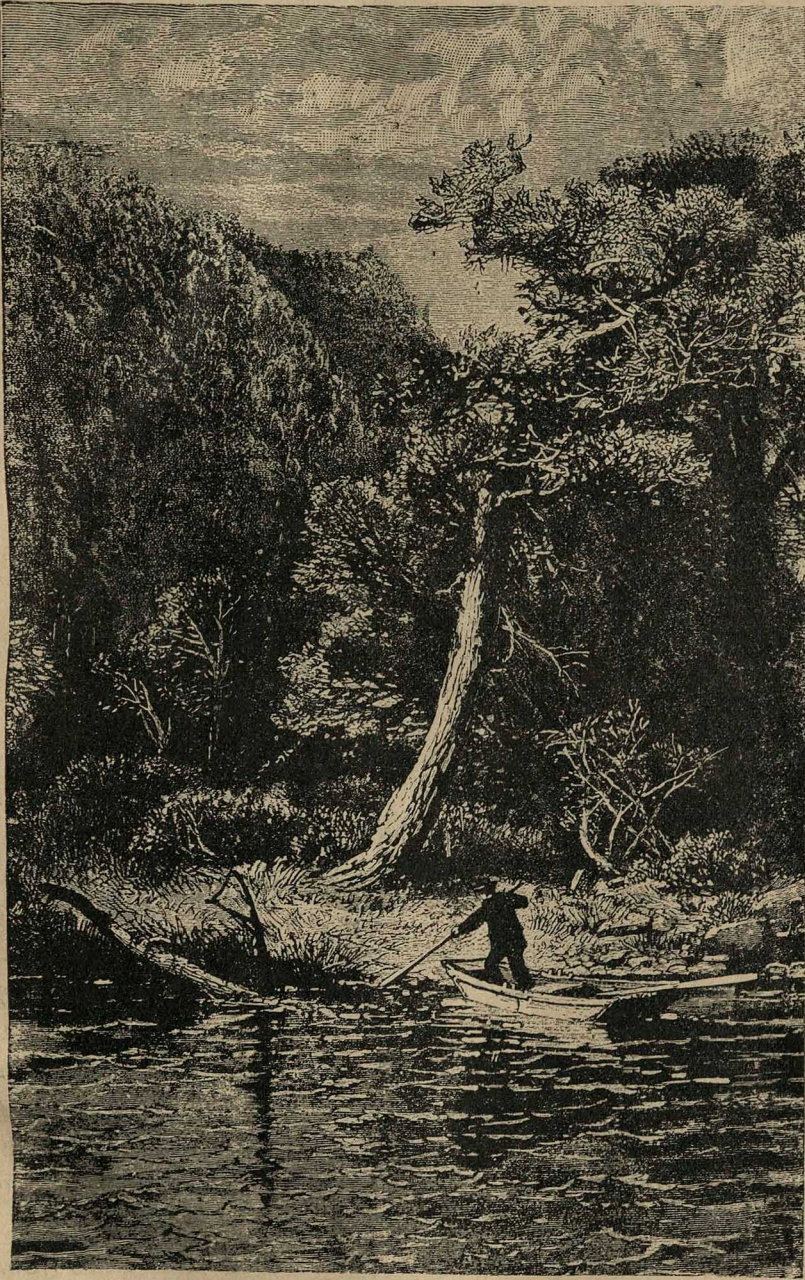
Затѣмъ мы, дѣти, долго играли

Въ Нормандіи.

Въ заглошемъ паркѣ.

въ саду. Погода прояснилась и намъ было весело. Старички Кульчицкіе все время почтительно находились около бабушки и о чемъ-то съ нею долго разговаривали. Я видѣла, какъ, сидя на террасѣ, бабушка о чемъ-то таинственно говорила старичку почти на ухо и какъ онъ одобрительно покачивалъ на ея слова головой.

— Это будетъ восхитительно, ваше сіятельство! восклицалъ онъ. — Это будетъ превосходно! Въ этомъ вашемъ рѣшеніи я вижу все величіе вашей души! Давно пора, давно пора! Воображаю, какъ будутъ счастливы ваша внучка и ея прекраснѣйшій супругъ! Замѣчательный, превосходный чело-вѣкъ!

Вечеромъ, когда мы играли въ гостиную, графиня и Кульчицкій заперлись въ кабинетъ и всѣ въ домъ вдругъ заходили на цыпочкахъ.

— Тише, дѣти! крикнула намъ миссъ-Трэкъ. — Графиня письмо пишетъ!..

— Тесс!.. говорила между собою прислуга.—Ее сіятельство письмо пишуть-съ...

Долго писала письмо графиня, должно быть, цѣлый часъ. А затѣмъ, когда она кончила и вышла изъ кабинета вмѣстѣ со старичкомъ Кульчицкимъ, то лица ихъ обоихъ такъ и сіяли.

— Это будетъ великолѣпно! восклицалъ старичокъ и потиралъ

себѣ отъ удовольствія руки.—Это будетъ восхитительно!

— Такъ Богу угодно, отвѣчала ему графиня.—Такъ Богу угодно! Не даромъ-же онъ всѣхъ насъ свелъ въ одномъ мѣстѣ!

И обратившись затѣмъ ко мнѣ, она сказала:—

— Лиза, завтра ты поѣдешь къ своимъ родителямъ! Ты отвезешь имъ отъ меня письмо!

У меня отъ радости запрыгало сердце.

Затѣмъ графиня обратилась къ Вячеславу:—

— Вяча, завтра ты увидишь своихъ отца и мать!

Вяча взвизгнулъ и запрыгаль на мѣстѣ.

Затѣмъ насъ послали ложиться спать. Но развѣ мы могли уснуть въ тотъ вечеръ? Мы долго лежали, разговаривали, строили планы и мечтали. Вяча просто обезумѣлъ отъ радости. Мнѣ казалось страннымъ, что онъ могъ такъ радоваться тому, чего никогда еще въ жизни не зналъ. Вѣдь папа и мама были для него почти совсѣмъ чужіе! Онъ вѣдь никогда не зналъ радости жить вмѣстѣ съ родителями и несчастія потерять эту жизнь!

— Чего ты такъ волнуешься? спросила я его. — Вѣдь для тебя это все равно!

Онъ посмотрѣлъ на меня, мордочка у него сморщилась и онъ заплакалъ.

— Какъ все равно? отвѣтилъ онъ. — Тебѣ самой все равно, а я не такой!..

Мнѣ стало его жаль, я придвинула его кровать близко къ своей и мы стали опять разговаривать и строить планы. Кульчицкіе ночевали у насъ.

На слѣдующее утро мы проснулись поздно. Завтракъ по случаю нашего отъѣзда къ папѣ и мамѣ было ранній и мы вышли почти къ самому завтраку. Мы сразу-же замѣтили въ домѣ всеобщее волненіе. Волновался и потиралъ руки старичокъ Кульчицкій, волновались бабушка-графиня и миссъ-Трэкъ, какъ-то странно переглядывалась между собою и прислуга.

Я ужъ и не помню, какъ я пила и ѣла. Мысль, что я сегодня-же увижу своихъ папу и маму наполняла меня всю и мнѣ не шель въ горло кусокъ. Вяча тоже былъ самъ не свой.

Затѣмъ къ крыльцу подали двѣ кареты. Мы всѣ встали изъ-за стола.

— Ну, дѣти, обратилась къ намъ бабушка,—теперь пора.

Всѣ стали одѣваться. Прислуга вынесла вещи, мы простились съ Анной Ричардовой и вышли садиться въ карету. Къ нашему удивленію, съ нами вмѣстѣ собралась ѣхать и бабушка.

— Это великолѣпно! все время восхищался старичокъ Кульчицкій.—Это восхитительно!

Въ первую карету сѣли Кульчицкіе, во вторую — бабушка, Вяча и я.

— Трогай! крикнулъ лакей.

Лошади рванулись съ мѣста— и мы покатили. Я почувствовала себя такъ, точно птичка, вырвавшаяся изъ золотой клѣтки.

Ночью былъ большой дождь, дорогу развезло и рѣшено было ѣхать въ объѣздъ, черезъ городъ, по шоссе. Это удлинняло нашъ путь на два часа! Въ городѣ мы остановились на постояломъ дворѣ, чтобы дать лошадямъ отдохнуть, и пили всѣ вмѣстѣ чай. Затѣмъ, когда экипажи были поданы снова, къ нашему удивленію, бабушка стала съ нами прощаться.

— Ну, прощайте, дѣтки, обратилась она къ намъ. — Счастливаго вамъ пути! Кланяйтесь папѣ и мамѣ! А я вернусь къ себѣ домой одна! За мной сейчасъ пріѣдетъ экипажъ.

И пошаривъ у себя въ карманѣ, она достала изъ него письмо и протянула его ко мнѣ.

— Передай, Лизочка, это письмо своей мамѣ... сказала она дрогнувшимъ голосомъ. — Обними ее за меня и... и пусть она меня проститъ!

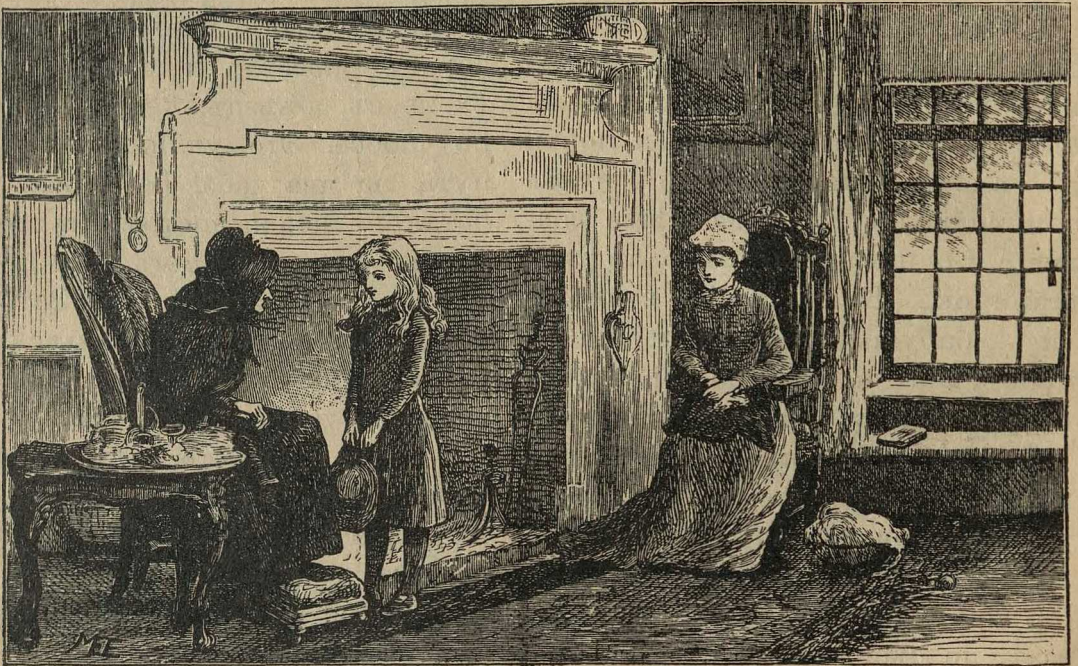
При послѣднихъ словахъ слезы появились у старушки на глазахъ. Мнѣ стало ее жаль, и я бросилась къ ней на шею съ такимъ порывомъ, что съ головы у меня слетѣла шляпа.

— Ну, теперь садитесь въ экипажъ! продолжала графиня.—Пора уже ѣхать! Кульчицкіе уже поѣхали!..

И дѣйствительно, Кульчицкіе въ это время уже тронулись въ путь. Мы еще разъ простились со

этого описать. Мама прижимала къ себѣ Вячеслава, плакала, плакала и папа, они не вѣрили своимъ глазамъ, — и мнѣ было пріятно слышать, какъ и Вячеславъ впервые назвалъ ихъ папой и мамой. Мы, впрочемъ, всѣ плакали при

— Говори-же, чего-бы ты желала? („Маленькая Лиза“).

старушкой, сѣли въ экипажъ и поѣхали вслѣдъ за каретой.

Графиня осталась одна. Мнѣ такъ стало ее жаль и такъ вдругъ захотѣлось, чтобы ѣхала съ нами и она!

Два часа спустя, мы были уже дома. Нужно-ли описывать, какъ мама и папа обрадовались нашему пріѣзду? Это понятно само собою, да я все равно и не съумѣла-бы

этой встрѣчѣ и мнѣ не стыдно въ этомъ сознаться. О, эти слезы радости! Можетъ-ли быть чтонибудь слаже и вкуснѣе ихъ? Я никогда не забуду этой встрѣчи.

А затѣмъ, когда немного поулеглось всеобщее возбужденіе, я вспомнила о письмѣ и передала его мамѣ. Я видѣла, какъ задрожали у нея пальцы, когда она стала его распечатывать. Мама какъ-то ужъ очень быстро прочла

его и передала его папѣ. Тотъ точно также въ одинъ мигъ про-бѣжалъ его и передалъ его мнѣ.

— Прочти!.. сказалъ онъ. — Теперь ты знаешь все, и я не стану отъ тебя скрывать...

Я взяла отъ него письмо и прочла. Въ немъ были всего только какія нибудь десять строкъ.

„Милая Нина, писала графиня.— Прости меня. Ты была болѣе права, чѣмъ я. Ты стремилась къ семейному счастью съ любимымъ человекомъ, а я — къ общественному положенію и титулу. Въ результатѣ — у тебя есть семья, около тебя есть тѣ, кого ты любишь сама и кто любитъ тебя. Я-же осталась одинокой и сиротой.

„Если можешь, прости меня и пріѣзжай ко мнѣ со своимъ мужемъ. Я скажу лучше не ко мнѣ, а къ себѣ, потому что все, что я имѣю, отнынѣ будетъ принадлежать тебѣ и твоей семьѣ“.

Я бросилась къ папѣ и къ мамѣ на шею и стала ихъ поздравлять. Они тоже торжествовали. Вячеславъ все время визжалъ и прыгалъ отъ радости.

— Такое коротенькое письмо, воскликнула я,—а бабушка писала его цѣлые три часа! Возможно-ли это?

Папа улыбнулся и отвѣтилъ:—

— Короткое сочинить всегда

гораздо труднѣе, чѣмъ длинное. Самыя великія мысли заключаются именно въ самомъ короткомъ; а въ длинномъ — всегда одна только болтовня!

Я всегда потомъ слѣдовала этому правилу папы. Послѣдую ему и сейчасъ. Скажу только, что на другой-же день мы всѣ, всею нашей семьей, отправились къ бабушкѣ въ гости, пробыли у нея съ недѣлю и вмѣстѣ съ нею вернулись обратно въ Грачики. Потомъ въ концѣ лѣта мы поѣхали въ Петроградъ, прикончили тамъ всѣ наши дѣла и вернулись обратно въ Малороссію на зиму. Бабушка купила для меня Грачики, они стали моими, и я живу въ нихъ и до сихъ поръ. Вмѣстѣ со мною живутъ въ нихъ теперь папа, мама и Ольга, Вячеславъ уже докторъ и живетъ въ Москвѣ. Онъ уже женатъ и имѣетъ дѣтей, которымъ я посылаю подарки. Бабушка и Кульчицкіе уже умерли, Ниночка вышла замужъ и вмѣстѣ съ мужемъ живетъ у себя въ Черепашкахъ, я съ нею очень дружна до сихъ поръ и часто у нея бываю. Ну, что-же еще? О чемъ рассказать вамъ еще? Боюсь, что я вамъ уже надоѣла, что не выполнила правила папы,—и потому ставлю точку, кладу свое перо въ сторону и умолкаю.

М. Б—скій.

К О Н Е Ц Ъ .

ПАСТУШОКЪ.

Восточное преданіе.

Маленькій Исаакъ нѣсколько разъ своими собственными глазами видѣлъ Христа. Находясь въ толпѣ, онъ не разъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ чудесъ, которыя совершала Христось. А когда Христа предали, осудили и повели на казнь, то какъ-то такъ случилось, что въ то время Исаакъ находился около самой Голгофы и видѣлъ, какъ Его прибавали гвоздями къ кресту. Мальчикъ испугался, задрожалъ, слезы брызнули у него изъ глазъ и, полный жалости къ Божественному Страдалцу и въ то-же время сознавая свое безсиліе, онъ побѣжалъ къ себѣ домой и долго плакалъ. Печальное лицо Христа еще долго было памятно ему и не выходило у него изъ глазъ.

Затѣмъ прошли два года. Родители мальчика обѣднѣли и отдали его куда-то далеко, въ пустыню, пасти за жалованіе чужія стада. Исаакъ любилъ отца и мать, любилъ свой родной Иерусалимъ и ему очень не хотѣлось уѣзжать изъ своего родного города и разставаться съ родителями. Но и здѣсь, чувствуя свое безсиліе, онъ безропотно покорился судьбѣ и отправился добывать для своихъ родителей пропитаніе.

Его завезли куда-то очень да-

леко. Когда онъ впервые разъ выгналъ свое стадо овецъ, то первые лучи разсвѣта еще только-только начинали освѣщать вершины холмовъ; звѣзды меркли и гасли, а когда совсѣмъ ужъ разсвѣло и взошло яркое солнце, то глазамъ маленькаго Исаака представилась печальная, каменистая пустыня, голая и безбрежная, кое-гдѣ покрытая сѣрой полынью и чахлой травой, да съ кое-гдѣ торчавшими, корявыми маслинами.

Здѣсь Исаакъ долженъ былъ пасти стадо своего хозяина. Отнынѣ все его отрочество, всѣ лучшіе, сказочные годы его дѣтской жизни должны были пройти въ этой безлюдной, скучной пустынѣ. Ему это очень не понравилось.

— Но что-же дѣлать? вздохнулъ онъ.— Мои родители бѣдны... Я долженъ жить для нихъ...

И вотъ для него потянулись длинные, одинокіе дни. Съ кубышкой воды, съ мѣшечкомъ черезъ плечо, въ которомъ находился весь его запасъ хлѣба на цѣлыя сутки, онъ каждое утро, чуть свѣтъ, уже выгонялъ своихъ овецъ на пастбище. Товарищами ему служили его вѣрная собака и его дудочка, на которой онъ отъ скуки игралъ

цѣлые часы, вспоминая о видѣнныхъ имъ чудесахъ Христа и о тѣхъ страданіяхъ, которыя Онъ перенесъ на крестѣ. Исаакъ любилъ Его всей душой. Какой-то старый пастухъ, еще въ Иерусалимѣ, рассказывалъ ему однажды, какъ онъ когда-то, еще будучи молодымъ, пасъ со своими товарищами стада близъ маленькаго городишка Виелеема.

— И вдругъ, сказалъ этотъ пастухъ — на небѣ заблестала лучезарная звѣзда, и къ намъ явился ангелъ и обратился къ намъ со словами: — „Не бойтесь! Идите въ Виелеемъ! Тамъ сейчасъ родился Спаситель міра — Христосъ!“ Мы пошли туда и увидѣли тамъ въ пещерѣ, въ ясляхъ, Младенца Христа!

Это былъ тотъ самый Христосъ, съ которымъ встрѣчался въ послѣдствіи уже самъ маленькій Исаакъ.

И глядя на самую большую звѣзду, которая медленно поднималась изъ-за горизонта, онъ опустился передъ ней на колѣни и, сложивъ руки ладонями вмѣстѣ, поднималъ глаза къ вечерѣвшему небу и быстро-быстро произносилъ молитву. Не прося ровно ничего лично для себя, онъ молился о своихъ отцѣ и матери и о томъ, чтобы они не нуждались никогда.

И вотъ однажды, когда солнце уже прошло первую четверть своего пути, маленькій пастушокъ вдругъ увидѣлъ на горизонтѣ

какую-то фигуру, которая медленно шла прямо на него. Это удивило его, такъ какъ путники въ этихъ мѣстахъ никогда не появлялись. Незнакомецъ подходилъ все ближе и ближе и наконецъ они встрѣтились. Исаакъ поднялся и низко ему поклонился.

— Я голоденъ! сказалъ слабымъ, хриплымъ голосомъ странникъ. — Я хочу ѣсть!

Исаакъ вытащилъ изъ сумки весь свой хлѣбъ и протянулъ къ нему.

— Вотъ тебѣ! ласково отвѣтилъ онъ. — Бери его! Я моложе тебя и могу подождать до возвращенія домой.

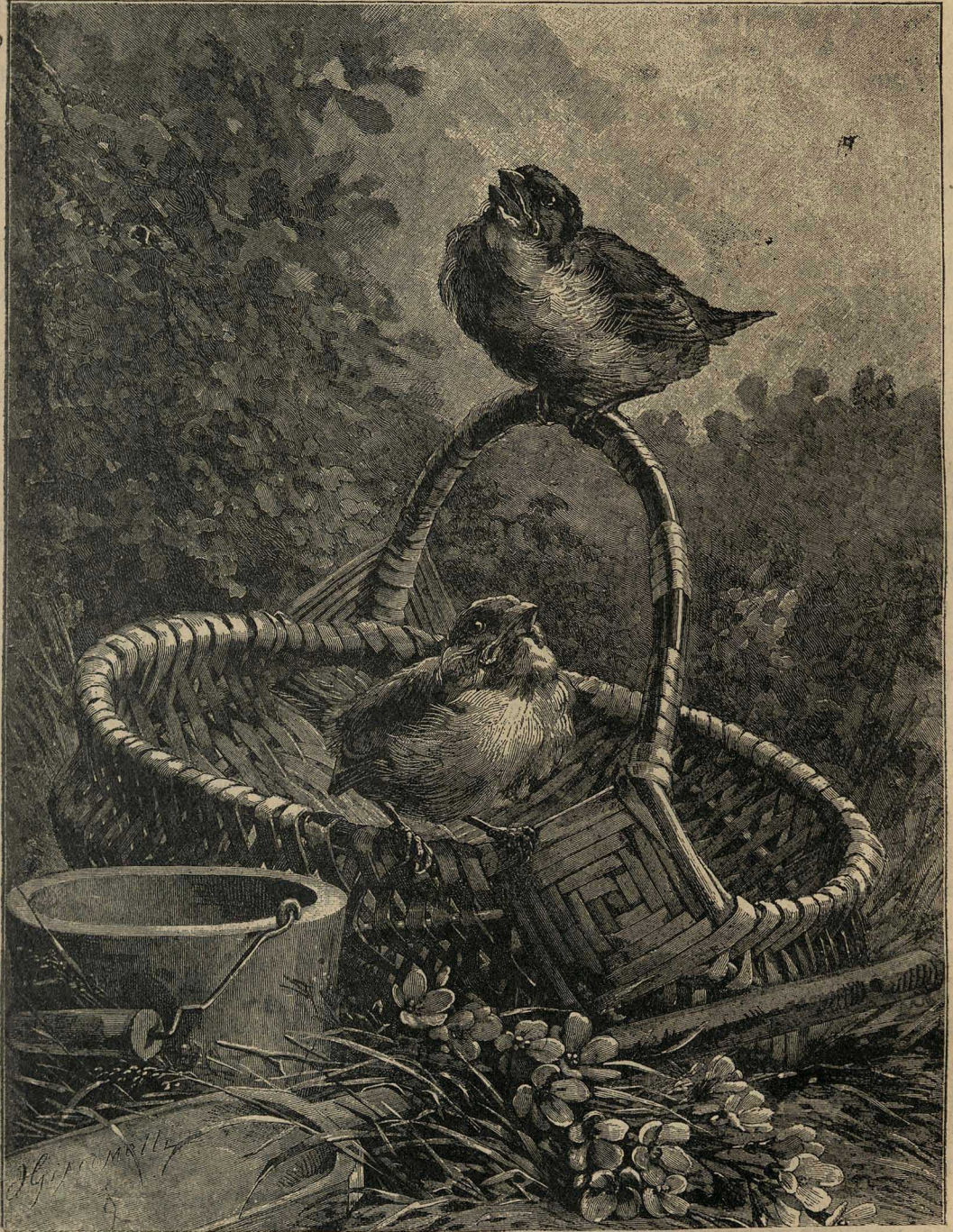
Странникъ взялъ хлѣбъ и, не сказавъ ни слова, отправился въ дальнѣйшій путь. Мальчикъ остался одинъ.

„Что-же я сдѣлалъ? испугался онъ. — Вѣдь я отдалъ ему весь свой хлѣбъ! Я не ѣлъ со вчерашняго вечера, а мнѣ предстоитъ оставаться здѣсь еще до самой ночи! Вѣдь я умру отъ голода самъ!“

Но тотчасъ-же ему стало стыдно этихъ своихъ мыслей. Развѣ онъ не пожертвовалъ собой для другихъ? Развѣ онъ такъ слабъ и такъ ужъ не молодъ, что не перенесетъ безъ хлѣба какихъ-нибудь десять-двѣнадцать часовъ?

И, чтобы отогнать отъ себя дурныя мысли, онъ досталъ изъ-за пазухи свою дудочку и сталъ на ней играть.

Нашли гнѣздо.

— Ну, прощайте, дѣтки! обратилась она къ намъ.—Счастливаго вамъ пути! („Маленькая Лиза“).

Солнце прошло еще одну четверть своего пути. Полдень! Отъ его палящихъ лучей раскалились камни и поникла сѣрая полынь. Овцы сбились въ кучку и прилегли. Собака высунула языкъ и, раскрывъ отъ жары пасть, повалилась на бокъ и вытянула лапы. Ей было тяжело дышать. А мальчикъ все игралъ на дудочкѣ и игралъ. Наконецъ и у него пересохло въ горлѣ и пришлось перестать; къ тому-же ему сильно захотѣлось ѣсть. Онъ полѣзъ было въ сумку за хлѣбомъ, но вспомнилъ, что онъ его отдалъ страннику.

„Какъ-же теперь быть? подумалъ онъ.—Впрочемъ, это ничего. Зато у меня есть запасъ воды на цѣлый день! Если я буду пить воду, то это поможетъ мнѣ не такъ сильно замѣчать голодъ...“

И только-что онъ это подумалъ, какъ чья-то рука опустилась ему на плечо. Мальчикъ вздрогнулъ. Собака встрепенулась и заворчала.

Около маленькаго Исаака стоялъ въ полномъ изнеможеніи какой-то старикъ.

— Я умираю отъ жажды, сказалъ онъ запекшимися устами.— Нѣтъ-ли у тебя хоть капельки воды?

Мальчикъ тотчасъ-же снялъ съ себя кубышку и съ готовностью протянулъ ее къ старику.

— Вотъ вода! сказалъ онъ.— Пей на здоровье!

Старикъ припалъ къ ней жадными губами и медленно, съ наслажденіемъ, выпилъ ее всю до дна. Затѣмъ онъ отправился далѣе въ путь и скоро скрылся изъ виду.

Маленькій пастушокъ въ изнеможеніи прислонился спиной къ камню и впалъ въ забытѣе. Но ни одна враждебная мысль не пришла къ нему противъ тѣхъ, кто лишилъ его всего его хлѣба и всей его воды.

Почему они не подумали хоть немного о немъ? Впрочемъ не всели это теперь для него равно? Вѣдь теперь онъ не доживетъ до вечера и умретъ здѣсь въ пустынѣ отъ жажды, около этого камня, ненужный никому и неспособный ни на что, болѣе нужное и болѣе важное, чѣмъ пасти этихъ молчаливыхъ, безобидныхъ овецъ!

Прошли часы, солнце спустилось къ самому горизонту и длинныя тѣни потянулись по пустынѣ. Затѣмъ тѣни исчезли, солнце закатилось и небо впыхнуло краснымъ заревомъ. Потасло и зарево, наступили сумерки и величественная, лучезарная звѣзда зажглась на небѣ. Отъ наступившей прохлады встряхнулась и поднялась собака, забродили овцы и пришелъ въ себя и мальчикъ. Онъ казался теперь еще болѣе слабымъ и болѣе изможденнымъ, чѣмъ тѣ два путника, которымъ онъ отдалъ хлѣбъ и воду. Но пора была уже гнать стадо домой. Онъ поднялся,

и еле держась на ногахъ, направился къ овцамъ.

И вдругъ передъ нимъ оказался какой-то нищій. Онъ весь былъ въ лохмотьяхъ и опирался на сучковатую палку.

„Какъ это я не замѣтилъ, подумалъ Исаакъ, — когда онъ подошелъ!..“

Нищій тронулъ его за плечо и жалобнымъ голосомъ сказалъ:

— Я бѣденъ. Мнѣ нечѣмъ жить, мнѣ не во что одѣться. Помоги мнѣ.

— Но я самъ бѣднѣе тебя, слабо отвѣтилъ ему Исаакъ. — У меня нѣтъ ровно ничего и родители мои живутъ отсюда далеко и тоже нуждаются во всемъ.

— Но это стадо?.. Развѣ оно не твое?

— Нѣтъ, это овцы моего хозяина...

— Ну, такъ что-жь? Тѣмъ лучше! Выбери для меня одну изъ нихъ. Я унесу ее съ собой.

Мальчикъ возмутился.

— Я не могу этого сдѣлать, отвѣтилъ онъ рѣшительно, — потому что овцы не мои. Онѣ поручены мнѣ и вотъ этой собацѣ — и мы должны ихъ сохранить.

— Но вѣдь я бѣденъ, а твой хозяинъ богатъ! возразилъ нищій.

— Чтѣ-жь изъ этого? Но овцы не мои и я не могу тебѣ ими помочь!

— Это жестоко съ твоей стороны. Ты служишь богачу и не

хочешь позаботиться о бѣднякѣ. Ты безсердеченъ.

Какъ! Исаакъ безсердеченъ? И это могло показаться незнакомцу? Чѣмъ-же онъ могъ-бы ему доказать, что онъ не правъ и что Исаакъ всѣмъ готовъ пожертвовать для другихъ? И вдругъ страшная, почти сумасшедшая мысль пришла ему въ голову. Чтобы оправдать себя, онъ рѣшился на все.

— Если хочешь, предложилъ онъ незнакомцу, — то возьми себѣ вмѣсто овецъ меня самого. Уведи меня, продай меня въ рабство и деньги за меня возьми себѣ... Хочешь?

— Идемъ! отвѣтилъ незнакомецъ.

Исаакъ кивнулъ собацѣ, она поняла его и тотчасъ-же собрала стадо въ кучку и погнала его домой. Незнакомецъ взялъ мальчика за руку и повелъ его съ собой.

Путь былъ длинный. Они шли всю ночь напролетъ и все время новый хозяинъ Исаака молчалъ.

Но вотъ на востокѣ заалѣлась заря и затѣмъ начался разсвѣтъ. И когда солнце взошло краснымъ, громаднымъ шаромъ надъ горизонтомъ, то передъ ними показался священный городъ Иерусалимъ.

„Здѣсь мои отецъ и мать...“ подумалъ мальчикъ и сердце его запрыгало отъ радости, но тотчасъ-же и облилось кровью...

„Впрочемъ, я не увижу ихъ... Сейчасъ меня приведутъ на базаръ,

продадутъ и уведутъ въ неволю...“

Вошли въ Иерусалимъ. Нищій ввелъ Исаака въ чей-то роскошный домъ и приказалъ ему слѣдовать за собою. Они прошли черезъ цѣлый рядъ комнатъ, затѣмъ черезъ садъ и наконецъ вступили въ большую залу, отдѣланную мраморомъ и увѣшанную великолѣпными картинами.

— Останься здѣсь и подожди меня! обратился къ мальчику нищій и тотчасъ-же куда-то исчезъ.

И въ эту самую минуту передъ мальчикомъ неожиданно появился красивый бронзовый столъ и на немъ лежали его хлѣбъ и кубышка съ водой. Затѣмъ вошли три какіе-то человѣка и стали рядомъ передъ нимъ. Всѣ они были стары. Какъ вдругъ передъ ними появился еще и четвертый, молодой— и Исаакъ сразу-же узналъ въ немъ Христа.

Онъ вскрикнулъ отъ радости и протянулъ къ Нему руки. Христосъ ласково улыбнулся ему и сказалъ:

— Ты отдалъ свой хлѣбъ вотъ этому голодному и свою воду вотъ

этому хотѣвшему пить и самого себя вотъ этому бѣдняку. Будь-же за это благословенъ! Все, чѣмъ ты пожертвовалъ, возвращается теперь тебѣ сторицею. За твой хлѣбъ—я дарю тебѣ вотъ это жилище; за твою воду— всѣ эти богатства, а за самого тебя— безграничную свободу. Пользуйся же ими и будь благословенъ во вѣки. Жертва твоя была угодна Богу.

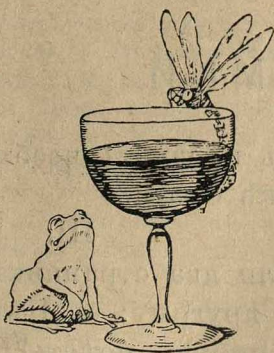
Мальчикъ съ благоговѣніемъ поднималъ на Христа глаза. Всѣ три Его спутника были тѣ самые люди, которые приходили къ нему въ пустыню и для которыхъ онъ пожертвовалъ всѣмъ. Всѣ трое они теперь улыбались ему и, не зная, что дѣлать и какъ благодарить, мальчикъ опустился на колѣни и припалъ лбомъ къ полу.

А когда онъ поднялся вновь, то передъ нимъ не было ужъ ни Христа, ни трехъ странниковъ. Въмѣсто нихъ стояли его отецъ и мать, которые протягивали къ нему руки и въ изумленіи, такъ-же, какъ и ихъ маленькій сынъ, не знали, что дѣлать и что сказать.

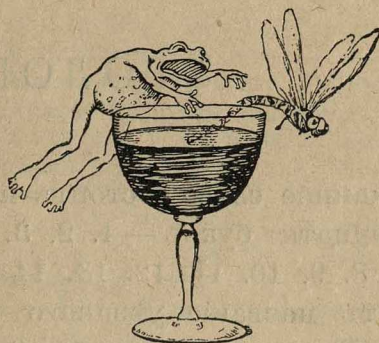
По А. Bailly.

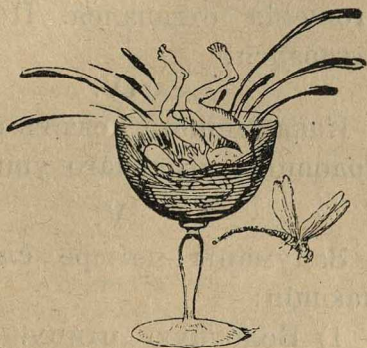

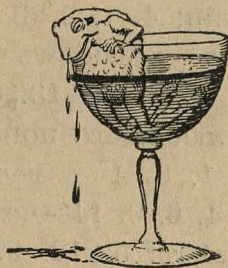
1. Съ чѣмъ-то сладкимъ стоитъ рюмка,
А подъ ней лягушка.
У лягушки—одна думка,
Какъ схватить ей мушку?

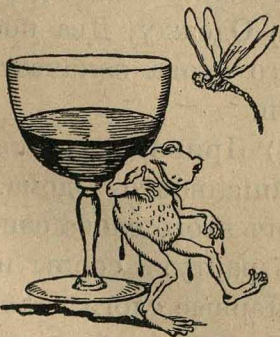
2. Разбѣжалась и скакнула
Только промахнулась:
Мушка быстро упорхнула!
Счастье улыбнулось.

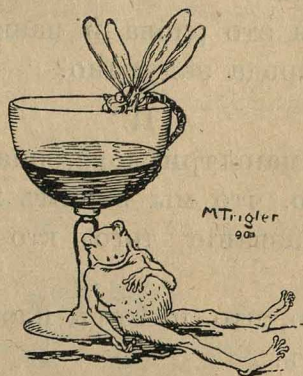
3. И лягушка повалилась
Сверху внизъ въ мадеру.
Она пьяной тамъ напилась,
Пьяной черезъ мѣру.

4. Въ рюмкѣ чуть не утонула,
Охмелѣла шибко,
Но на все шутя взглянула
Съ глупую улыбку.

5. А потомъ плясать пустилась,
Пѣсни распѣвала,
Стоя прыгала, крутилась...
Рѣдко такъ бывало!

6. Скоро, скоро утомилась
Пьяная лягушка,
Утомившись, развалилась
Точно на подушкѣ.

Случай съ лягушкой.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманное слово состоитъ изъ четырнадцати буквъ — 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14 и означаетъ названіе уѣзднаго города на Кавказѣ. Буквы 11. 3. 9. 12 означаютъ принадлежность для письма; 2. 6. 5. 4. 1 — маленькаго хищнаго звѣрка; 5. 3. 13. 14. 8. 14 — рыбу; 10. 5. 12. 4. 1 — водяную траву; 7. 3. 1. 11. 12. 13. 14 — городъ въ Италіи; 4. 1. 2. 3. 7. 8. 6. 9. 14 — книгу съ указаніемъ чисель, мѣсяцевъ и дней; 11. 13. 6. 4. 5. 1 — ребенка, любящаго поплакать; 5. 3. 9. 3. 7. 1. 8. 1 — вечернюю пѣснь; 11. 3. 4. 6. 9. 14 — человѣка, пекущаго хлѣбъ; 5. 12. 9. 10. 4. 6 — птицу; 2. 1. 8. 10. 7. 14 — часть руки; 2. 1. 7. 14 — животное; 4. 1. 9. 6. 5. 14 — рыбу, водящуюся въ прудахъ.

Какія это слова и названіе какаго города задумано?

II.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) То, что мы видимъ на небѣ.
- 1) Названіе того, кто ловитъ рыбу.
- 3) То, что имѣютъ плотникъ и столяръ.

Отъ каждаго изъ этихъ задуманныхъ словъ взять по одному только слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое озна-

чаетъ предметъ, необходимый при стиркѣ бѣлья.

III.

Шли два странника, одинъ сказалъ другому: — „Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть?“ Другой отвѣтилъ: — „У меня въ сумкѣ есть хлѣбъ да сыр; если хочешь, то возьми!“ Тогда первый отъ такого угощенія отказался. Почему онъ отказался?

IV.

Какая монета можетъ выйти изъ половины игольнаго ушка?

V.

Задуманы четыре слова, означающія:

- 1) Болотную птицу. Послѣдній слогъ этого слова, мы видимъ на иконахъ.
- 2) Сжатую кисть руки. Послѣдній слогъ этого слова употребляется при полированіи дерева.
- 3) Одежду. Два послѣдніе слога этого слова означаютъ голову бѣлуги.
- 4) Принадлежность дачи и провинціальнаго дома. Послѣдній слогъ этого слова означаетъ мѣсто, гдѣ растутъ сосны и грибы.

Первые слоги всѣхъ этихъ словъ составятъ собою названіе хлѣбнаго злака, растущаго на югѣ. Какія слова задуманы и какой это злакъ?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 12, помѣщенныхъ въ № 11 „Золотого Дѣтства“.

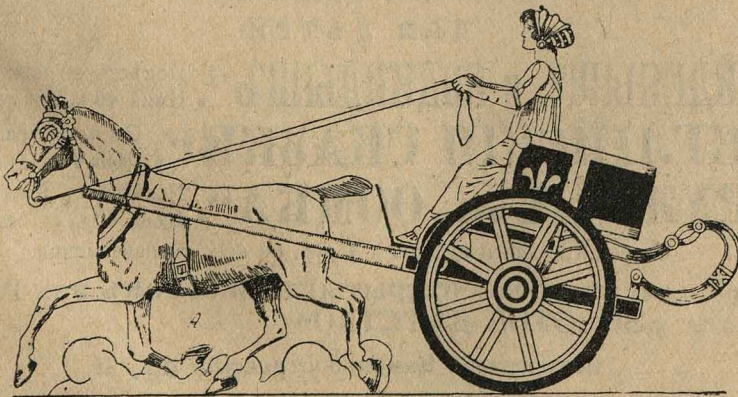
Головоломки: I. Корова, каска, вакса, сова, сорока, ворона, весна, коверъ, овесъ, сосна, осока = Некрасовъ. II. Со + ло + вей. III. По небу. IV. Одинъ изъ мальчиковъ взялъ себѣ и корзину вмѣстѣ съ яблоками.

Ребусъ № 12: Уста + рой + ла + в + очки + + отъ + в + ремень + ивы + ступа + листь + + ро + пила + и + п + око + си + лось + окно = У старой лавочки отъ времени выступали стропила и покосилось окно.

Вторныя рѣшенія за эти двѣ недѣли прислали: А. Русисъ, Н. Громова, В. и В. Лодко, А. Михонскій, Л. Гофдингъ, В. Нѣжинскій, Б. Шредеръ, В. Осиповъ, И. Рубаненко, В. и Н. Гусаровы, В. Теренинъ, И. Рербовская, Жанъ-Мари, Каэтъ Галопенъ, М. и А. Адливанкины, Ш. Раковичъ, М. и М. Михайловы, Г. Бражникова, Э. Яблова, Б. Быстрыковъ, А. Моисеевъ, А. Сысоевъ, М. Войко, Н. Шереметьевъ, Ж. и В. Лодзято, С. Михайловъ, А. Домничъ, Е. Волицъ, Ш. Щербаковъ, Л. Чудинова, К. и З. Румянцевы, А. Шалимовъ, Люси М., В. Енчмень, Г. и Т. Крупышевы, Ж. и В. Завойскіе, Э. Матъ, Саня Н., Ю. Свицерскій, Богдановъ, В. Степановъ, В. Тюринъ, Т. Скорняковъ, Ш. Копышевъ, М. Протопоповъ, Е. Дубровинъ, М. Долотова, К. Прохорцева, Т. Евстратинъ, А., Е. и А. Арбузовы, З. и Б. Подвашецкіе, В. Алако-

зовъ, И. Вальдбергъ, Гришутикъ и Оксаночка, Д. Давыдовъ, П. Рудинъ, В. и Ю. Сухины, Р. Лисакъ, Н. Бебуришвили, Е. Дубровинъ съ братомъ, В. Казнакова, С. Гордонъ, В. Сидорова, Л. Бабкина, Т. Каледина, П. Немировская, В. Стеллецкій, О. Савицкая, Б. Вагановъ, К. Кротовъ, В. Гусельниковъ, С. Пиккіева, Л. и Ж. Гапонъ, В. Николаевъ, Б. Бояковичъ, Ж. Бондаренко, Н. Губаръ, И. и Л. Кацауровы, Л. Скавинская, М. Кириллова, В. Дулицъ, Х. и О. Шаповаловы, Л. и Л. Винюковы, К. Лавровъ, П., М. и А. Харчины, Г. и О. Трестеръ, Д. Томбакъ, И. и Л. Кацауровы, Т. Скорняковъ, А. и С. Шатовы, А. Любимовъ, Б. Кондратьевъ, Д. Давыдовъ, Д. Эристова, Н. Цвѣткова, Л. Эскархиди, Г. Житниковъ, Л. Качанъ, Н. и Л. Фокины, Э. Семеновъ, И. Карныгинъ, И. Шмелевъ, Л. Кадашевичъ, И. Касьяновъ, К., Т. и В. Шаровольскіе, Н. и С. Полянскіе, Т., В. и З. Радзиевскія, А. Рапопортъ, Ж., Т. и О. Дубицкіе, С. Балабанъ, Ш. и К. Власовы, В. Голантъ, М. Желъзова, Т. Квятковскій, И. Гольденбергъ, Л. Опришко, К. Пусенкисъ, А. и В. Шалонины, М. Заорскій, Л. Ромадина, Л. и В. Кафталъ, Э. Эбергардтъ, Н. и Л. Люстернякъ, М. и М. Гедле, К. Вергунъ, К. Вениаминова, А. Никитинъ, Б. Бокъ, В. Ястребовъ, П. Лотоцкій, Ю. Воробьевъ, Н. Соколова, Губарчикъ, В. Наживова, Н. Яроцкій, Л. Цыкина, Л., Е. и А. Арбузовы, А. Бройдесъ, М. Трофимовъ, Н., Ш. и Т. Лоренцъ, Р. Лисакъ, К. Кротовъ.

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ военнаго времени, бумажныя фабрики затрудняются изготавлять бѣлую бумагу за недостаткомъ нужныхъ для этой химическихъ веществъ. Поэтому «Золотое Дѣтство» печатается по необходимости на бумагѣ сѣрой, которая обошлась Редакціи втрое дороже, чѣмъ обходилась такая-же бумага бѣлая въ мирное время.

Модель приложенія къ этому номеру.

Ребусъ № 14.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“ . Повѣсть съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ . Съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

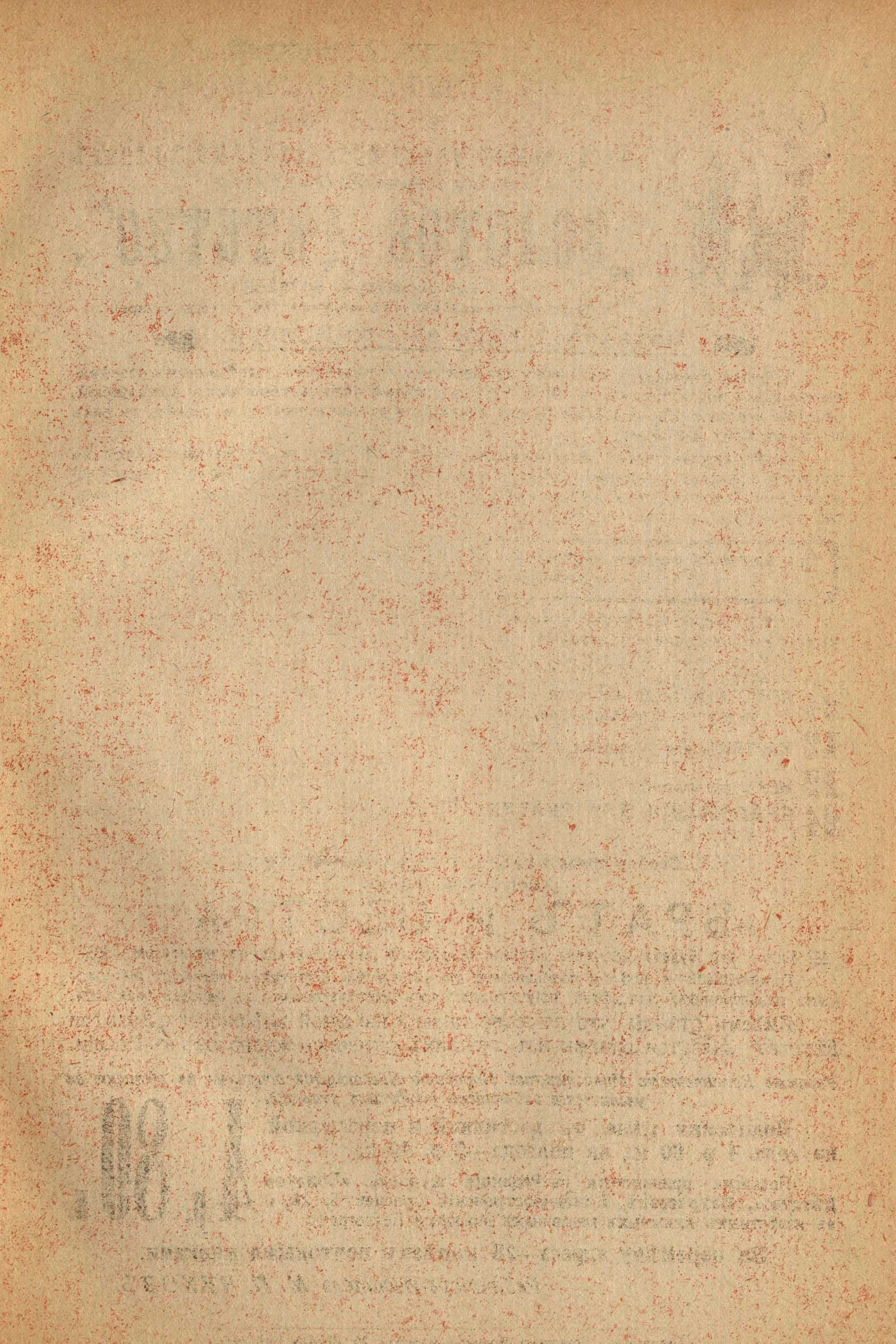
„ДРУЖОКЪ И ТИМКА“ . Повѣсть съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 коп.

За всѣ три книги вмѣстѣ — 1 руб. 60 коп. съ пересылкой.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.

Годъ девятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки юродскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.